

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Е ДВА ли кому из читателей таланта замечательной певицы, народной артистки СССР Ирины Константиновны Архиповой неизвестно, что прежде чем поступить в консерваторию, она закончила архитектурный институт, что именно архитектура была ее первой любовью, а только потом уже пришла музыка. И на этом вроде обрывалась связь: архитектурные интересы остались позади, а нынче столько уже других забот, хлопот... Но чем человек одареннее, чем зыскательнее он к себе как профессионал, тем шире его интерес к другим, смежным областям искусства, и все это вместе обогащает, поднимает его как личность.

И уж, конечно, никогда такой человек не расстанется равнодушно с тем, что некогда вызывало у него восхищение, на что ушли годы труда: пусть и незримо для окружающих, накопленное прежде богатство хранится в его памяти, чтобы в нужный момент обнаружиться вновь, возможно, в ином качестве, стать зарядом для новых мыслей, новых творческих замыслов.

...Можно считать, началось с Оранжа, куда Архипова была приглашена для участия в опере «Трубадур», включенной в программу международного оперного фестиваля. Она знала, что проводится этот фестиваль в античном театре, построенном в первом веке нашей эры римским императором Августом. Конечно, о подобных фестивалях она уже слышала. Знала, что во многих странах Европы для театральных постановок используются старинные замки, постройки средневековой, древности. И, разумеется, было заманчиво оказаться вот так, на стыке двух эпох: давно минувшей и современной, почувствовать, как сегодняшний мир может сочетаться с миром античности и как в этом сочетании прозвучит музыка великого Верди.

— Да, это совершенно другое дело — увидеть своими глазами... Вот тогда и вспомнились мне занятия архитектурой, с каким благоговением нам, студентам, выдавали в институтской библиотеке гравюры, рисунки старинных замков, дворцов, вилл — те самые увражи, которым, мы знали, цены не было. И вдруг эти увражи стали реальностью, в которую все же трудно было поверить... Я прилетела в Марсель из Парижа, а потом на машине меня повезли в Оранж, расположенный в тридцати километрах от Авиньона. Когда мы въехали в Оранж, уже стемнело. Узкие улочки, прижатые друг к другу дома. И вдруг в про свете взлетела, казалось, до небес каменная громада. Я спросила: «Что это?» Мне сказали: «Так это и есть Амфитеатр, где вы будете петь...»

А когда Архипова вышла на сцену на первую репетицию, лицо ее выразило такой восторг, такую радостную ошеломленность, что организаторы фестиваля разублались. Да, приехала не только певица, прима, какую здесь ждали, но человек, способный распознать, профессионально оценить прекрасное. Примадонна узнала эти изумительной пропорции арки, античные портки — те самые, что были изображены в увражах, которые она разглядывала много лет назад, будучи студенткой.

— Петь предстояло на открытом воздухе. Я удивилась: «И что же, никаких дополнительных акустических средств не предусмотрено?» Мне ответили: нет. «А эти микрофоны?» Это, сказали, для трансляции — она шла, как выяснилось, почти на все европейские страны, а также на Канаду. Вот тогда я впервые поняла, что значит естественная стереофония. Огромная сорокаметровая каменная стена Амфитеатра служила отражателем звука, и петь было необыкновенно легко: звук летел и не терял своей силы до самого последнего ряда. А, замечу, зал этот был рассчитан на семь тысяч мест.

Оранж небольшой город, и он не был готов к такому наплыву народа. На помощь пришла французская гвардия. Ее солдаты оцепили по окружности весь Амфитеатр: проверяли билеты, поддерживали порядок, они же участвовали в самом спектакле, представляя войско графа Луны. Вообще атмосфера создавалась непосредственная, волнующая, и зрители тоже ощущали себя как бы включенными в театральное действие — влияла сама обстановка, близость природы, древность античных камней.

...В самом деле, сидеть на ступенях театра, построенного римским императором, слушая при этом оперу на сюжет из средневековой, написанную композитором прошлого столетия, — это впечатляет! Хотя, может быть, кому-то такое сочетание покажется произвольным? Но ведь уже замечено, что современного человека особенно привлекают контрасты, мозг его свободно ассоцииру-

ет совсем, казалось бы, далекие пласты, а вкус сегодняшних людей отличается невиданным раньше разнообразием, и, думается, это хорошо!

Хорошо, что в насыщенном ритме, динамичном развитии двадцатого столетия человечество не отлучилось от музыки, поэзии, живописи, архитектуры прошлых далеких веков, и даже напротив — интерес к ним еще больше обострился. Люди с наслаждением вслушиваются в тишайшую лютевую музыку, вглядываются в восточную миниатюру, совершают далекие паломничества, чтобы своими глазами увидеть северную деревянную церковь. И это не только не уводит от современности, но рождает еще больший, кровный к ней интерес: так было, так сейчас есть и так должно быть.

Поэтому, думается, смешав столы отдаленные друг от друга эпохи в постановке «Трубадура» в Оранже, организаторы фестиваля хотя и пошли на риск, но оправдано. И древний коллизий не просто служил в этом спектакле помещением, сценой, декорацией — у него была

ке, тебя ожидает событие дня сегодняшнего — опера, концерт, спектакль, — можно действительно обогатиться вдвойне. Потому что там, в тех древних стенах, куда ты войдешь, интерес к прошедшему обязательно в тебе проснется.

И вот, рассказав о фестивалях в Оранже, Пуле, Туре, где она была участницей, Ирина Константиновна Архипова подошла к главному:

— Конечно, не может не возникнуть сожаления, что архитектуру наших старинных русских городов, кремлей, соборов мы используем не полностью. А ведь у нас есть богатейшая хоровая культура, уникальные оперы старых русских композиторов, камерные, небольшие по объему, которые могут звучать без декораций в стенах, на площадях, скажем, Новгородского кремля или Ростовского, Псковского, в Суздале, в Ярославле... Возможно, понадобятся какие-то вспомогательные акустические средства, а может, и нет — ведь никто же не пробовал, никто не искал. Да и не только в России — в Грузии, Армении есть архитектурные ансамбли изу-

БОГАТСТВА НАШЕГО ДОМА

Ирина АРХИПОВА — об опыте сценического применения архитектурных памятников

своя особая роль, и невольно возникали мысли о римлянах-завоевателях, о расцвете и падении их империи, о том, что и как оценивают их потомки, в чем видят низменное, а в чем великое.

— Да, зритель, слушатель, получая непосредственное впечатление от спектакля, одновременно заражался интересом к истории театра, истории архитектуры, истории страны — то есть произошло одновременное обогащение его многими культурными ценностями, общечеловеческими, всевременными, но все это с позиций сегодняшнего дня. Хотя, — Ирина Константиновна улыбнулась, — в этом спектакле сегодняшний день заявил о себе, мягко говоря, не совсем тактично. Самолеты, чьи рейсы проходили над Оранжем, доставили несколько неприятных моментов и организаторам фестиваля, и публике, и, конечно, артистам. И еще одно «но», которое невозможно заранее предугадать и которое может стать просто бедствием для фестивалей, проводимых на открытом воздухе: капризы погоды. На генеральной в Оранже вдруг подул мистраль, и голоса певцов улетали в арочный проем, точно им рты заткнули. К счастью, перед спектаклем ветер переменил свое направление, а то бы... Впрочем, в югославском городе Пуле, где тоже проводился аналогичный фестиваль, «Трубадур» шел, несмотря на дождь — да просто ливень, с грозой, с молнией! Хотя во всех проспектах, туристских справочниках гарантировалась самая замечательная погода. И если зрители укрывались под зонтами, то певцы защититься от дождя не могли. Но мужественнее всех вели себя музыканты Пражского национального оркестра, которые не только рисковали здоровьем, но и своими дорогими инструментами — несмотря на все это, спектакль шел.

— Общее для всех этих фестивалей — почти полное отсутствие декораций. В Оранже весь спектакль шел на фоне известняка древней стены. И этого оказалось достаточно, остальное дополняло воображение. В Пуле то же самое — и придумать нельзя ничего лучше каменного интерьера арены. Ну, а на фестивале в Туре, куда я была приглашена, кстати, по инициативе Рихтера — фестиваль этот связан с его именем — концерты обычно проходят просто в амбаре, да, да, подсобном помещении одного из средневековых монастырей с земляным полом, с открытыми деревянными конструкциями, превращенном в «концертный зал», и выступать в нем считается очень почетно. «Фойе» для публики — обычная зеленая лужайка перед «амбаром». И, знаете, это замечательно! Создается удивительная атмосфера, раскрепощенная, естественная: артистам приятно там выступать, публике — слушать.

...Сама идея не просто сохранять старинные постройки, но и заставить их работать на современность, думается, совершенно справедлива. Старина начинает жить, включается в ритм нынешнего дня. Интерес современного человека к своему прошлому получает еще один новый толчок. Не всегда ведь и не всем хочется зайти в музей, где, кажется, само время исчисляется иначе, замедленнее, и все как бы застыло раз и навсегда. Но если там, в музейной обстанов-

ке, тоже могли бы стать очагами певческой, театральной культуры. Хотя, конечно, подходить к этому надо осознанно, известно, что для старинных зданий опасны перегрузки, и необходимо бережное отношение к ним. Если устраивать фестивали, то, скажем, только в течение недели, с ограниченным числом посетителей. И можно заранее предсказать, что интерес к таким фестивалям обязательно возникнет: если столько туристов посещают эти памятники ради знакомства с архитектурой, то их будет никак не меньше, если там зазвучит еще и музыка!

Кое-что из того, о чем говорит Ирина Константиновна, уже сейчас у нас делается. Мне приходилось слышать народный грузинский хор в старинном храме Джвари близ Мцхеты, и впечатление от музыки усиливалось архитектурой. Только попала я на этот концерт случайно, и никто не мог мне подсказать, где и когда в течение — даже! — года можно услышать что-либо подобное, потому что, мол, случается такое «стихийно» и очень редко. Зато в Кафедральном соборе в Вильнюсе концерты старинной камерной, а также органной музыки проходят организованно и регулярно, и, кстати, там хорошая картинная галерея, которую слушатели в перерыве могут осмотреть. И, разумеется, всем известен Домский собор в Риге, зал которого всегда полон во время органных концертов. Но сколько еще остается неиспользованного!

— Для постановки «Бориса Годунова», «Хованщины» как хороши были бы белые стены Новгородского кремля! И никаких декораций. — говорит Ирина Константиновна. — А композитором XVII—XVIII веков — Березовского, Борзнянского, Вецея, Фомина, Титова, хоры произведений которых так замечательно исполняет Юрловская капелла, — вот бы услышать в интерьере той же эпохи! И недаром А. Юрлов, подыскивая для своего коллектива репетиционное помещение, выбрал старую русскую церковь — репертуар капеллы звучал там особо впечатляюще. И, разумеется, не потому, что усиливался дух религиозности в этих стихирах, песнях, гласах. Подобные мысли и не возникают ни в коем случае, как не возникают они на выставках русских икон или картин на библейские сюжеты западных живописцев, как не возникают они, когда мы слушаем «Мессю» и «Страсти» Иоганна Себастьяна Баха. Сознание современного человека совершенно иначе трансформирует духовное наследие прошлого, а то, что оно способствует углублению этого сознания, не стоит, наверное, и пояснять.

Но когда возникает вопрос о национальном нашем богатстве, о ценностях нашей культуры, архитектуры, музыки, то все это обретает еще больший нравственный смысл, потому что воспитывает в нас, советских людях, любовь и гордость за свою землю, свой народ.

Вот почему замечательная певица Ирина Константиновна Архипова, возвращаясь с фестивалей, гастролей, думает прежде всего о Родине, о нашем общем доме, о том, как можно его еще больше украсить и духовно обогатить.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА.